

ГРОХОТ ИЛИ ХОХОТ: К ИСТОРИИ СЛОВА «ГРОХОТ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

УДК 81-112

Кашникова Анна Ильинична

kash_anya@mail.ru

Санкт-Петербургский государственный университет

Предметом описания в статье являются слова с корнем *-грохот-*. Рассматривается семантическая эволюция данных лексем, особое внимание уделяется анализу их этимологии и функционированию в памятниках XI-XVII вв., что позволит более точно проследить формирование и дальнейшие изменения семантической структуры лексем.

Лексемы с этим корнем, скорее всего, образуются в праславянском языке и являются производными от звукоподражательного экспрессивного глагола **groxati*. Дальнейшая семантическая специализация в славянских языках проходит по-разному: в древнерусском языке доминантной становится именно смех, однако у существительного *грохотъ* как периферийное может реализовываться и значение 'громкий шум'. В XVIII в. начинают происходить изменения в употреблении, а следовательно и в семантической структуре данных лексем: начинают широко употребляться слова *хохотъ / хохотать*, что мотивирует переход у слов *грохотъ / грохотать* значений, связанных со смехом, в разряд вторичных, в просторечные. В XIX в. происходит окончательное закрепление значения громкого шума за словами *грохот / грохотать*, так как они перестают прямо ассоциироваться со словами, обозначающими смех (типа *гоготать, хохотать* и диал. *горготать, греготать, горготать*), то есть можно предположить, что происходит расширение значения лексем, а значения смеха фиксируются далее как вторичные и просторечные.

Ключевые слова: семантическая эволюция, древнерусский язык, этимология, историческая лексикология.

ROAR OR LAUGHTER: TO THE HISTORY OF WORD «ГРОХОТ» IN RUSSIAN

The subject of description in the article are words with a root *-groxot-*. The semantic evolution of these lexemes is considered, special attention is paid to the analysis of their etymology and functioning in the texts of the 11th-17th centuries, it will allow to trace the formation and further changes of the semantic structure of these lexemes more accurate.

Most likely, lexemes with this root have formed in the Proto-Slavonic language and have derived from the onomatopoeic expressive verb **groxati*. Further semantic specialization in the Slavic languages takes place in different ways: in the Old Russian language it becomes laughter. However, in the noun *groxotъ* as a peripheral can be realized the meaning 'loud noise'. There are changes in usage in the XVIII century, and therefore in the semantic structure of lexemes. The words *хохотъ / хохотать* are beginning to be widely used, which motivates the transition in the words *грохотъ / грохотать* of the meanings associated with laughter into the category of secondary ones, into the common. In the XIX century there is a final fixation of the loud noise value behind the words *грохот / грохотать*, as they cease to be directly associated with words denoting laughter (*гоготать, хохотать, горготать, греготать, горготать*). That is, it can be assumed that the meaning of lexemes is expanding, and the meanings of laughter are fixed further as secondary and vernacular.

Key words: semantic evolution, Old Russian, etymology, historical lexicology.

Относительно этимологии существительного *грохот* не сформировалось единого мнения. По мнению Фасмера, глагол *грохотати* образован от сущ. *грохотъ*, которое родственно д.-в.-н. *krahhôn* 'трещать' и др.-инд. *gárjati* 'ревет, рычит, бушует'. П. Я. Черных предполагает звукоподражательное происхождение слова *грохотъ* (как и сущ. *хохот*) в результате контаминации на русской почве таких слов, как *хохот / гогот* со

словами типа *гром*. Образования с **groch* (например, *грохнуть*) считает поздними и возникшими вследствие народной этимологизации (искусственного отвлечения корня **groch* от **grochotъ*, как в словах *цокать / цокот*). В Этимологическом словаре славянских языков слово *грохотъ* в свою очередь считается производным от глагола **groxati* звукоподражательного происхождения. И. В. Васильева сопоставляет эту лексему с омонимом *грохотъ* в значении ‘решето для протирания, просеивания’ и возводит их к одному и.-е. корню **gher* ‘тереть’ (к которому также относит слав. **groza*), предполагая исходным значением для мотивирующего глагола **grochati* процесс трения, обработки зерна и далее развитие обозначения «звука как сопровождающего эффекта» [1, с. 126]. Встроенность данной лексемы в систему аблаутных чередований автор считает существенным доводом в пользу происхождения слова не от звукоподражания.

В результате изучения данных основных славянских языков, представленных в этимологических и исторических словарях было выяснено, что лексемы с корнем *-grox-* и его фонетическими вариантами (как правило, глаголы) распространены во всех славянских языках. Этимологические словари каждого славянского языка сходятся во мнении, что данные лексемы имеют звукоподражательное происхождение и общую семантическую доминанту «подражание звуку», а слова типа *грохот* считаются производными от них с помощью суффикса *-от*. В целом наличие во всех славянских языках лексем с элементом *-grox-* заставляет считать наиболее логичной этимологию, предложенную в словаре Трубачева.

Таблица 1. Данные современных славянских языков

Данные современных славянских языков	
‘ГРОМКИЙ ШУМ’	‘ХОХОТ’
•Польский: gruchot	•Польский: smiech
•Чешский: rachot	•Чешский: chechot
•Болгарский: грохот	•Болгарский: кикот
•Словенский: treskanje	•Словенский: krohot
•Сербский: treskanje	•Сербский: grohot
•Хорватский: treskanje	•Хорватский: grohot
•Украинский: грюкіт	•Украинский: perit
•Белорусский: грукат	•Белорусский: погат

В современных западнославянских языках эквиваленты русского слова *grohot*, лексем *rachot* и *gruchot*, сохраняются только со значением «грохот, сильный шум», а в южнославянских языках подобные лексем фиксируются только в значении «громкий смех, хохот» (ср.: словен. *krohot*, серб. *grohot*, хорв. *grohot*, укр. *pegim*, белорус. *rogam* — ‘громкий смех’) за исключением болгарского, где слово *grohot* в значении ‘шум’ считается заимствованием из русского языка.

Для уточнения семантического развития данных лексем на русской почве представляется необходимым в первую очередь рассмотреть их функционирование в древнерусских и старорусских памятниках. Материалом для исследования послужили исторические словари, электронные ресурсы с функцией автоматического поиска: Национальный корпус русского языка, Библиотека литературы Древней Руси Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН, Рукописные памятники Древней Руси, а также авторитетные издания памятников.

Итак, в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского для существительного *grohot* дается два значения: 1) ‘шум’ и 2) ‘хохот’. Подобная последовательность значений создает впечатление, что перед нами основное, прямое значение слова и вторичное, производное. Однако целый ряд фактов заставляет поставить под сомнение подобную иерархию. Глагол *grohotatisia*, образованный от этой лексем, приводится только с возвратным постфиксом в значении ‘громко смеяться, хохотать’, и у всех производных от него лексем также выделяются лишь значения, связанные со смехом (например, *grohotanie* ‘громкий смех, хохот’, *grohotatel* ‘тот, кто хохочет’ и т. д.). Словарь древнерусского языка XI—XIV вв. фиксирует глагол *grohotati* (без постфикса) и приводит для него значение ‘издавать громкие звуки’, а для иллюстрации приводится отрывок из Пчелы (XIII в., список XIV в.): «**грохотати** же гласомъ и въскыпати тѣлом не кроткы души знаменье, и свѣдительствоеть преоудрыи соломонъ». Однако важно подчеркнуть, что в данном случае глагол *grohotati* переводит греческий звукоподражательный глагол *ἐγκαυχάζω* (редупликация междометия *kha kha*) со значением ‘громко смеяться, хохотать’, поэтому данный пример, скорее всего, не может служить иллюстрацией значения ‘шуметь’ у этого глагола.

Следует отметить, что лексем с этим корнем не являются частотными в древних текстах. Так, в текстах древнерусского периода существительное *grohot* встретилось всего в четырех переводных памятниках: два раза в значении ‘шум’ (Беседы папы Григория (XIII в., список XIII в.): «Двери... съ велицѣмъ **грохотомъ** отврѣзошася»; Пандекты Никона Черногорца (XIV в., список XIV в.): «Съ **грохотомъ**,

шумомъ и въплемъ») и два раза в значении ‘громкий смех’ (Пандекты Антиоха (XI в., список XI в.): «Ты осклабилъся, а она **грохотъмь въсмиялася**»; Златоструй (XII в., список XV в.): «Да не **посмѣеться** пред тобою **грохотомъ**»).

Глагол *грохотатися* отражен в пяти переводных памятниках, как уже было сказано, только в значении ‘громко смеяться’. Например, в Изборнике 1073 г. (XI в., список XI в.): «Дияволъ видитъ тя **гроштюштася** лихо и глумяштася», в Поучениях Ефрема Сирина (XIV в., список XIV в.): «На плачь звалъ ты есть и на рыдание, а ты **грохощешися** и смѣши», в Пандектах Никона Черногорца (XIV в., список XIV в.): «Горе смѣющимся, рече Христось, смѣющимся бещиньно и хрохоощимъ и посмисающимъ и без страха Божия живуще»

Все отрывки, содержащие слова с данным корнем, имеют дидактическую направленность, и рассматриваемые лексемы используются в качестве примера осуждаемого поведения, не отвечающего христианским нормам, отрицательной характеристики человека, обличающей праздный образ жизни. Следует отметить, что глагол во всех случаях стоит в синонимических рядах или входит в состав сочетаний с лексемами, обозначающими смех или веселье.

В старорусский период рассматриваемая группа слов также чаще встречается в значениях, связанных со смехом, однако уже преимущественно в оригинальных текстах. Например, в Слове митрополита Даниила (XVI в., список XVI в.): «Баснословиши, притчи смѣхотворныя приводиши, **грохощеши**, смеѣшися» или Кормчей Балашева (XVI в., список XVI в.): «Ни имени Дионисова в точилѣх егда вино топчют не призывати ни егда в корчагы лѣют вино не проницати ни **грохотанием творити смѣха**», Стоглаве (XVI в., список XVI в.): «Правило 61 и 62 святаго шестаго събора святых отецъ возбраняеть к волхвомъ ходити и запрещаетъ православнымъ христианомъ поганских и еллинских скверныхъ обычаевъ и игръ, и плесания, и плескания, и над делвами, сирѣчь над бочками, и над корчагами квась призывающе и **грохочюще**, и прочихъ неподобныхъ дѣлъ творити». С точки зрения содержания все так же превалируют тексты учительного характера.

Таким образом, лексемы рассматриваемой группы в период с XI по XVII вв. фиксируются в основном в значении смеха, в древнерусский период — только в переводных памятниках, а в старорусский — в основном в оригинальных. В значении ‘шум’ встречается только существительное *грохоть* (для обозначения собственно шума в памятниках чаще всего употребляются лексемы *клопотъ*, *скръжьсть*, *громъ*). Рассмотрев функционирование этой группы лексем в древних текстах, можно предположить, что семантической доминантой в их значении в русском языке

изначально был именно смех, значение было функционально-обусловленным: в текстах дидактической направленности при осуждении нежелательного поведения, как правило, требуется экспрессивная лексема, а рассматриваемые слова являются единственными экспрессивными синонимами к лексемам *смѣхъ* / *смѣяться* и т. д. Однако поскольку у существительного *грохотъ* все же фиксируются значения шума, мы можем полагать, что периферийным ответвлением являлся шум вне смеха. Как переходную ступень можно отметить устойчивое сочетание *смѣяться грохотомъ*, где существительное выступает скорее в роли характеристики смеха по звуку или качеству (=громко смеяться).

Подтверждением наличия периферийного значения 'шум' у этого слова также может служить наличие у существительного *грохотъ* значения 'решето для протирания зерна', которое впервые фиксируется в Словаре русского языка XI—XVII вв. в текстах XVI—XVII вв.

К слову, подобная семантическая параллель (то есть перенос именно от смеха к шуму) известна также и в латыни: ср. латинское *cachinnus* 'смех', у Катуллы *cachinnus undarum* — рокот волн; *cachinare* 'хохотать', у трагика Акция — рокотать (о волнах). А в английском и немецком языках, например, перенос значения осуществляется в обратном направлении: ср. немецкое *vor Lachen brüllen* 'гоготать, хохотать', где *brüllen* — 'реветь, грохотать, греметь (об орудиях, волнах, громе)', английское *roar* 'рев, шум, грохот' в разговорной речи может означать громкий хохот.

Что касается семантического развития исследуемой группы слов в XVIII и XIX вв., следует отметить, что в Словаре Академии Российской у существительного *грохотъ* и у других однокоренных лексем, кроме значения 'решето', выделяются лишь значения, связанные со смехом. Подчеркнем, что даже у слова *грохот*, которое в древних текстах могло обозначать шум, отмечено только значение смеха. Все толкования приводятся с пометами «простон.», что свидетельствует об изначальной экспрессивности этого слова. Лексема с возвратным постфиксом в Словаре Академии Российской уже не представлена, что может говорить о постепенном обособлении ее от лексемы *смеяться*. В XVIII веке также сохраняются и другие лексемы с этим корнем: *грохотунъ* 'любитель смеяться', *грохотня* 'громкий смех' и т. п. которые в дальнейшем из разряда просторечных перемещаются в диалектные.

В Национальном корпусе русского языка для XVIII века фиксируется всего два употребления этих лексем: *грохот* в значении 'решето' («но должно его напередь прометать сквозь **грохотъ**») и *грохотать* в значении 'громко смеяться' («молоденькие **грохочут** и пляшут»). В Словаре русского языка XVIII в. для слов этой

группы как первичное дается значение 'производить грохот, шум, стук, звук с переливами' с иллюстрациями из Державина: «**грохочет** эхо по горам», «но вдруг отдавшись от холма возвратным **грохотаньем** грома гремит и удивляет мир». Значения, связанные со смехом, выделены как оттенок с пометой «простонар.» без каких-либо примеров употребления и со ссылкой на Словарь Академии Российской. Однако подобная иерархия значений представляется скорее обусловленной лексикографической логикой конструирования метафоры, а не историческими закономерностями функционирования слова.

Как видим, на протяжении XVIII века рассматриваемые лексемы продолжают употребляться крайне редко и сохраняют значение смеха в качестве основного (если признать толкования Словаря Академии Российской более релевантными, так как он составлен в рассматриваемый период и отражает языковую рефлексию именно того времени). Употребление же Державиным слов этой группы в значении шума, по-видимому, обусловлено прежде всего нуждами поэтического языка, однако можно предположить, что данное значение постепенно закрепляется в языке как основное обозначение громкого шума, в то время как существительное *громь*, ранее обозначавшее громкий шум, начинает употребляться преимущественно для обозначения звукового явления, сопровождающего разряд молнии, то есть у слова *громь* происходит постепенное сужение значения.

Постепенный переход связанных со смехом значений слова *грохот* и родственных в разряд вторичных, объясняется, возможно, тем, что в языке XVIII века начинают активно функционировать слова *хохот* / *хохотать*, которые являются семантическими дублетами к словам *грохот* / *грохотать* и заменяют рассматриваемые лексемы в литературном языке.

По данным Национального корпуса русского языка, активное употребление рассматриваемых лексем в значении громкого шума начинается только с первой четверти XIX в. Примечательно, что данное значение входит в активное употребление первоначально в составе устойчивых словосочетаний *грохот пушек* / *орудий* / *выстрелов*, в то время как в текстах XVIII в. фиксировался исключительно *гром пушек* / *орудий* и т. д. Представляется, что в этот период происходит окончательное закрепление значения громкого шума в качестве основного для слов рассматриваемой группы. Значение смеха переходит в разряд вторичных и продолжает встречаться в текстах уже в качестве просторечного либо очень экспрессивного.

Так, оно сравнительно часто продолжает встречаться в текстах XIX в., как правило, в контекстах, связанных с описанием деревенской жизни или в речи

персонажей с целью имитации просторечного слога. Например, у Максима Горького (Тронуло, 1896): «Воззрился, это, он на меня за такие мои слова зверем, а я картуз надел да и был таков... Вот и теперь все **грохочут**», у Короленко (Яшка, 1880): «Смеялся старичок помощник, моргая подслеповатыми глазками, **грохотал** толстяк офицер, сострясаясь тучными телесами, хихикала тюремная крыса...», у Салтыкова-Щедрина (Пошехонская старина, 1887): «Гости **грохочут**. Даже лакеи позволяют себе изредка улыбнуться» и т. д.

Таким образом, можно предположить, что развитие значения и употребления слов с корнем *-грохот-* в истории русского языка выглядело следующим образом:

1) данные лексемы, скорее всего, образуются в праславянском языке и являются производными от звукоподражательного экспрессивного глагола **groxati*. Дальнейшая семантическая специализация в славянских языках проходит по-разному: в древнерусском языке доминантной становится именно смех, однако у существительного *грохотъ* как периферийное может реализовываться и значение 'громкий шум'. В целом же в XI—XVII вв. слова этой группы употребляются сравнительно нечасто и имеют функциональную закрепленность: то есть характерной сферой их употребления является учительная литература;

2) в XVIII в. начинают происходить изменения в употреблении, а следовательно и в семантической структуре данных лексем: начинают широко употребляться слова *хохотъ / хохотать*, что мотивирует переход у слов *грохотъ / грохотать* значений, связанных со смехом, в разряд вторичных, в просторечные; значение громкого шума у этих слов все еще встречается крайне редко и не фиксируется Словарем Академии Российской, отражающим языковую рефлексию носителя языка эпохи; в значении шума, как правило, употребляется собственно слово *шумъ*, а также *громъ*;

3) в XIX в. происходит окончательное закрепление значения громкого шума за словами *грохот / грохотать*, так как они перестают прямо ассоциироваться со словами, обозначающими смех (типа *гоготать, хохотать* и диал. *горготать, греготать, горготать*), то есть можно предположить, что происходит расширение значения лексем, а значения смеха фиксируются далее как вторичные и просторечные.

Литература

1. Васильева И. В. Грохот // Русская речь. 2013. №3. С. 123—127.
2. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный: в 6 т. СПб., 1806—1822.
3. Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.): в 10 т. Т. 1—9. М., 1988—2012.

4. Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—29. М., 1975—2011.
5. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1—19. Л.; СПб., 1984—2011.
6. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. СПб., 1983—1912.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1964—1973.
8. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка: в 2 т. М., 1999.
9. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 1—32. М., 1974—2005; под ред. А. Ф. Журавлева. Вып. 33—36. М., 2007—2010.